

О.А. ВЛАСОВА

*доктор философских наук, доцент
профессор кафедры истории философии
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,
Россия*

УДК159.9.01

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ НА ПРИКЛАДНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУК
О ЧЕЛОВЕКЕ¹**

Статья посвящена проблеме концептуализации в прикладной экзистенциально-феноменологической традиции (в психиатрии, психологии и психотерапии). На основании анализа понятийного строя теорий В. Франкла, А. Лэнгле, Р. Мэя, Э. Ялома, и др. рассматриваются вопросы приемлемости философских концептов и степени концептуализации экзистенциального измерения человека. Подчеркивается заместительный характер концептуализации в рассматриваемой традиции, который показывается в исследовании онтологических, методологических, антропологических, коммуникативных понятий.

Ключевые слова: экзистенциально-феноменологическая традиция, философия XX века, психология, методология, концептуализация, экзистенциальное измерение человека.

О.А. VLASOVA

*DSci in Philosophy, Professor
St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Russia*

**CONCEPTUAL INFLUENCE OF PHENOMENOLOGICAL
AND EXISTENTIAL PHILOSOPHY ON APPLIED FIELD OF
HUMAN SCIENCES**

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ 17-33-01064-ОГН «Сравнительный концептуальный анализ развития экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии и психологии».

The paper discusses the conceptualization problem in the applied existential-phenomenological tradition (in psychiatry, psychology and psychotherapy). Based on the analysis of the conceptual structure of the theories of V. Frankl, A. Längle, R. May, E. Yalom, and others, questions of the acceptability of philosophical concepts and the degree of conceptualization of the existential human dimension are considered. The substitutional nature of conceptualization in the tradition under consideration is emphasized, it is shown in the study of ontological, methodological, anthropological, communicative concepts.

Keywords: existential-phenomenological tradition, 20th century philosophy, psychology, methodology, conceptualization, existential dimension of man.

Прикладная экзистенциально-феноменологическая традиция (та, которая формируется на основании использования идей феноменологии и экзистенциальной философии в психиатрии, психотерапии и психологии) самим своим развитием ставит важный для философии и наук о человеке в целом вопрос – возможно ли концептуализировать неконцептуализируемые феномены, можно ли разработать четкий алгоритм работы с человеческим существованием, вербализовать составляющие межличностного взаимодействия в психологической практике. Сама феноменология и экзистенциальная философия произвели эту концептуализацию, во многом, с опорой на предшествующую философскую традицию. В их словаре мы видим традиционные понятия «бытие» и «сущее», «ничто», «свобода», а также относительно авторские, но понятные в контексте той же традиции понятия «интенциональность», «существование», «проект».

При развитии экзистенциально-феноменологической традиции в прикладных пространствах (психотерапии, психиатрии, психологии) проблема концептуализации приобрела свою специфику: междисциплинарное поле акцентировало вопрос приемлемости концептов и поставило проблему степени концептуализации экзистенциального измерения человека. Эта проблема и является центральной для настоящей статьи.

Экзистенциальные терапевты и психологи не устают напоминать, что их традиция является своеобразным ответом на объективистский подход к человеку, предлагая, в противоположность ему, свободную практику [9]. Одновременно с этим разные «экзистенциальные терапии» [8] и экзистенциальные теории имеют разную степень концептуализации: есть те, в которых четкий концептуальный строй задает структуру работы, а есть другие, – в которых сложно вычленишь не только авторские концепты, но и более или менее определенно указать на исходные философские [1].

На одном из полюсов концептуализации находится логотерапия. Видимо, для этого направления неслучайно, что «логос» есть не только смысл, но и речь: концептуальные указатели здесь чрезвычайно четки.

«Смысл», «ноэтическое измерение», «димерсиональная онтология», «ноогенные неврозы», «экзистенциальный вакуум», «духовность» и «бездуховность», «самотрансценденция» и «дереклексия», а также другие понятия являются не просто новыми обозначениями философских концептов, но попыткой понятийно зафиксировать специфическое предметное поле [3]. Виктор Франкл дал своим последователям не только личный пример внедрения философского метода в жизнь и психотерапевтическую практику, но и пример четкости в формулировках [6].

Недалеко от него, разумеется, в силу родства, отстоит персональный экзистенциальный анализ Альфрида Лэнгле. Заимствуя сетку экзистенциального анализа в целом, он акцентирует понятия «персона», «самодистанцирование» и «самостановление», а также разрабатывает концепты «фундаментальные экзистенциальные мотивации» и «копинговые реакции», развивая в этом случае новые концептуальные гнезда [4].

И у Франкла, и у Лэнгле понятия выступают указателями, подобными дорожным знакам, отмечая основные особенности существования человека и этапы работы: человек имеет акцентированное «ноэтическое», «духовное» измерение, его бытие не статично, а разворачивается в «психодинамике», оно устремлено к «смыслу», и если его утрачивает, то погружается в «экзистенциальный вакуум» или «ноогенные неврозы». Человек должен сохранять свою природу как «самотрансценденции», развивать «самодистанцирование» для того, чтобы быть способным обратиться к себе и своему существованию. В терапии этому способствуют различные техники «экзистенциального анализа» и «логотерапии»: «дереклексия», «парадоксальная интенция», «дешифровка чувств» и проч.

Логотерапия и персональный экзистенциальный анализ понятийно предельно понятны, во многом поэтому они завоевали широкую популярность. Их характер концептуализации можно охарактеризовать как конкретизирующий: в содержательном отношении они отталкиваются от экзистенциальной философии, также используют ее основные концепты, однако вводят много конкретных психологических и психотерапевтических понятий, выстраивая новые предметные и методологические ориентиры.

Несколько другую степень и другой характер концептуализации мы видим у «первых фигур» экзистенциальной психологии, в частности, у Ролло Мэя. Его экзистенциальная концептуализация носит дополняющий характер: в основном он использует понятия экзистенциальной философии и следует ее тематике, однако использует ряд не достаточно концептуализированных, смежных понятий.

Важнейшими для Мэя, а затем и для всей традиции экзистенциальной психологии становятся понятия «мир», «воля», «возможности», «тревога», «вина» и проч. С целью философской интерпретации всех сфер человеческой жизни Мэй акцентирует понятие «мир», связывая его с различными уровнями существования человека. «Мир» - это одновременно и внешний мир, и человеческое бытие, и в этом он, конечно, развивает концепт «интенциональности». Благодаря исследованию «мира» Мэй не утрачивает связи существования с биологической жизнью и связывает человека с другими людьми, при этом высший уровень бытия он закрепляет за «самобытием», делая рефлексию не только пространством психологической работы, но и высшей целью человеческого существования.

«Воля», хотя и отмечает некий возврат от экзистенциальной философии к философии Ф. Ницше и немецких классиков, способствует психологизации экзистенциальной онтологии. Активизация воли становится целью психологической работы, выраженная воля – залогом состоятельности человеческого существования. «Воля» связывается с диапазоном открывающихся благодаря ей «возможностей», их нераскрытие, отказ от них и неправильный их выбор запускает «вину». Угроза волевому бытию способствует формированию тревоги. В общем-то, нельзя сказать, что Мэй предлагает, по сравнению с экзистенциальной философией, новую схему. В ней уже была и «интенциональность» с «миром» и «бытием-в», и «становление» (которому «воля идентична»), и «миропроект», и «выбор», и «свобода», и «ответственность». Именно эти классические понятия стоят понятиями Мэя. И не то, чтобы понятия Мэя являются отчетливо психологическими, они сохраняют онтологический след. Логично, что сам Мэй пишет об экзистенциалистах: «Для них важны не отдельные психологические реакции, а скорее психологическое бытие человека существующего, который осуществляет свой опыт, то есть они используют психологическую терминологию в онтологическом смысле» [5]. На первом этапе развития экзистенциальной психологии необходимо было хотя и чуть, но приблизить к психологии сложные философские концепты, заботливо сохраняя исходные смыслы. Это и заметно по терминологии Р. Мэя.

Сходная ситуация наблюдается в содержательной структуре экзистенциальной психотерапии Э. Ялома: он заимствует понятийный аппарат и теоретические ходы экзистенциальной философии, придавая важное значение понятиям «свобода» и «ответственность», развивая, как и Мэй, понятие «тревога», направляя основное внимание на концепт «смерть». Последнее служит узлом его теории и понятийной сетки. «Смерть» - пусковой стимул для «психодинамики», т.е. развития личности, она ставит предел человеческой жизни и акцентирует другие преде-

лы человеческой экзистенции. На смену «пограничным ситуациям» у Ялома приходят «данности существования», среди которых, кроме «смерти», он перечисляет «свободу», экзистенциальную изоляцию и «бессмысленность». Свобода при этом всегда сопряжена с «ответственностью»: горизонт возможностей предполагает выбор, который обязывает на него отвечать. Ситуация осознания данностей существования запускает «тревогу», и здесь уже либо личность, если она экзистенциально зрела, может защититься и даже развиваться дальше, либо ей остается только уйти в невроз, и в этом случае требуется терапевтическая работа. У Ялома, таким образом, мы видим минимальный набор экзистенциальных понятий, что обеспечивает простоту теории и большую свободу практики.

При обращении к концептуальным основаниям экзистенциальной психотерапии заметен заместительный характер концептуализации. Критикуя теорию и практику психоанализа, экзистенциальный анализ в своей теории сохраняет раскладку психодинамики. Классическая психоаналитическая триада «осознание конфликта/комплекса – тревога – защитный механизм» заменяется триадой «осознание конечной данности – тревога – защитный механизм». Во всех экзистенциальных теориях сохраняется концепт тревоги как основная мишень терапевтической работы, варьируется первый элемент «конечные данности/пограничные ситуации», которому уделяется основное внимание.

Указанная схема объединяет большинство экзистенциальных психотерапевтов и психологов. Центральное переживание при этом – неудовлетворенность и тревога, центральный конфликт – конфликт человека с данностью жизни, центральная потребность – возможность двигаться дальше, а не стоять на месте, т.е. право иметь надежду. Терминология экзистенциальной философии концептуально очерчивает указанное поле работы, разумеется, только в общих чертах.

Проблема концептуализации и унификации подхода – актуальная проблема и для самих терапевтов. Мы читаем у Эрвина Ялома: «У терапевтов экзистенциальный подход ассоциируется с такими заведомо неточными и на первый взгляд не связанными между собой понятиями, как “аутентичность”, “встреча”, “ответственность”, “выбор”, “гуманистический”, “самоактуализация”, “центрирование”, “сартрианский”, “хайдеггеровский”. Многие профессионалы в области психического здоровья привыкли считать его смутным, аморфным, иррациональным, романтическим – даже не “подходом”, а некой лицензией на импровизацию...» Ялом не разделяет этого общепринятого заблуждения и всячески настаивает, показывает это своими книгами, что «экзистенциальный под-

ход является ценной, эффективной психотерапевтической парадигмой, столь же рациональной, связанной и систематичной, как и любая другая». Сам он дает подходу следующее определение: «*Экзистенциальная терапия – это динамический терапевтический подход, фокусирующийся на базисных проблемах существования индивидуума*» [7; С. 8–9]. Для Ялома своеобразие не в словах, а в основаниях. Слова – лишь не вполне совершенная попытка его передать. Основания при этом связаны с принимаемой обновленной, экзистенциальной моделью психодинамики.

Схема психодинамики становится своеобразным теоретико-методологическим допущением экзистенциальной психотерапии. Как совершенно справедливо подчеркивает Э. ван Дорцен, «Клиенты только тогда могут получить пользу от определенного подхода, если они чувствуют себя способными согласиться с его основными допущениями. <...> Клиенты могут только тогда получить пользу от личностно-центрированной работы, когда они согласны с допущением, что люди могут и должны принимать на себя ответственность за свою жизнь. <...> Из всех основных допущений экзистенциального подхода наиболее существенным является то, что создать смысл жизни возможно, и что есть смысл этим заниматься. Если сформулировать это еще более определенно, то в экзистенциальном подходе считается существенно важным для человека иметь надежную систему координат, позволяющую размышлять о жизни и систематизировать свой опыт» [2; С. 11-13].

Система координат самого экзистенциального подхода как раз и обрисовывается понятийным аппаратом. Несмотря на предельную свободу трактовок, содержательно мы всегда видим в нем четкий понятийный строй, поскольку концепты экзистенциально-феноменологической традиции – гораздо больше, чем просто слова. Они – некие содержательные пространства, которые позволяют обрисовать картину человека, а затем и стратегию терапевтической работы.

Онтологические, методологические, антропологические, коммуникативные концепты показывают основные установки и направленность подхода. Онтологические понятия – бытие, Dasein, мир, трансценденция, экзистенция, историчность, нигилизм, проект и проч. – представляют философскую картину мира, которая стоит за теорией психотерапии и психологии. Она не то чтобы заменяет естественнонаучную, но существенно дополняет ее, позволяя сохранить целостность в исследовании человека. Методологические понятия – деструкция, интенциональность, феноменологическая редукция, описание и объяснение, герменевтика, понимание – обозначают отличие подхода и те методы, которые могут предоставить доступ к осмыслению человека и его жизни. Антропологические понятия – аутентичность и подлинность, выбор, смерть, свобода,

пограничные ситуации, вина, ситуация, повседневность, смысл, воля, бездуховность, экзистенциальная изоляция, самостановление, экзистенциальные мотивации и проч. - тесным образом коррелируют с онтологическими и являются, скорее, промежуточными, метаонтическими концептами. Они позволяют как можно точнее описать феномены человеческого опыта. Коммуникативные понятия – другие, самотранценденция, самодистанцирование и др. показывают диалогическую природу человека и закладывают теоретические основания для терапевтической практики.

Понятийный строй, язык экзистенциально-феноменологической традиции в каждом слове выдает строй ее концепции, постоянно отсылая к другим связанным понятиям. Таким образом, он позволяет увидеть ее картину мира и экзистенциально-феноменологический портрет человека и, что более важно, позволяет самому человеку изменяться, не только решая свои проблемы, но и продвигаясь в своей человечности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова О.А., Львов А.А. Концептуальный анализ экзистенциально-феноменологической традиции: основания и перспективы // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 2. – С. 94-102.
2. Дорцен Э., ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. – Ростов-на-Дону: Ассоциация экзистенциального консультирования, 2007. – 215 с.
3. Замалиева С. Человек все решает сам: логотерапия и экзистенциальная антропология Виктора Франкла. – СПб: Университетская книга, 2012. – 140 с.
4. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: электронный ресурс. – М.: Генезис, 2017. – 156 с.
5. Мэй Р. Открытие бытия: очерки экзистенциальной психологии. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 200 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
7. Ялом Э. Экзистенциальная психотерапия. Пер. Т.С. Драбкиной. – М.: Класс, 2004. – 576 с.
8. Cooper M. Existential Therapies. – London: Sage, 2003. – 192 p.
9. Deurzen, E. and van, Kenward, R. Dictionary of Existential Psychotherapy and Counselling. – London: Sage Publications, 2005. – 228 p.

TRANSLIT

1. Vlasova O.A., Lvov A.A. Konceptual'nyj analiz jekzistencial'no-fenomenologicheskoi tradicii: osnovanija i perspektivy // Znanie. Ponimanie. Ume-nie. – 2018. – № 2. – S. 94-102.
2. Dorcen Je., van. Prakticheskoe jekzistencial'noe konsul'tirovanie i psihoterapija. – Rostov-na-Donu: Associacija jekzistencial'nogo konsul'tirovanija, 2007. – 215 s.
3. Zamaljeva S. Chelovek vse reshaet sam: logoterapija i jekzistencial'naja antropologija Viktora Frankla. – SPb: Universitetskaja kniga, 2012. – 140 s.
4. Ljengle A. Person: Jekzistencial'no-analiticheskaja teorija lichnosti: jelektronnyj re-surs. – M.: Genезis, 2017. – 156 s.

5. Mjej R. Otkrytie bytija: očerki jekzistencial'noj psihologii. – M.: Institut obshhe-gumanitarnyh issledovanij, 2004. – 200 s.
6. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla.– M.: Progress, 1990. – 366 s.
7. Jalom Je. Jekzistencial'naja psihoterapija. Per. T.S. Drabkinoj. – M.: Klass, 2004. – 576 s.
8. Cooper M. Existential Therapies. – London: Sage, 2003. – 192 p.
9. Deurzen, E. and van, Kenward, R. Dictionary of Existential Psychotherapy and Counselling. – London: Sage Publications, 2005. – 228 p.